

© 1991 г.

ДЕСНИЦКАЯ А. В.

О В. М. ЖИРМУНСКОМ — ЯЗЫКОВЕДЕ

(К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

В августе 1991 года исполнилось 100 лет со дня рождения Виктора Максимовича Жирмунского, принадлежавшего к великой плеяде филологов, прославивших советскую науку.

Подобно своим выдающимся предшественникам и современникам, В. М. Жирмунский отличался широтой исследовательских интересов, охватывавших различные области филологической науки, каждую из которых он обогатил плодами своего яркого таланта. Одним из свойств научного таланта Жирмунского была тенденция к универсальному охвату всего комплекса дисциплин, традиционно объединяемых в академической номенклатуре под девизом «Язык и литература». В этом отношении научная деятельность В. М. представляется феноменальной даже на фоне той широты диапазона исследовательских интересов, которая была характерна для многих из принадлежавших к блестящему ряду русских филологов, работавших в таких областях, как востоковедение, славистика, русский язык и древнерусская литература. Обычным путем расширения диапазона научных интересов в большинстве случаев было включение в круг исследования целого комплекса родственных дисциплин, углублявшее процесс всестороннего изучения письменных памятников, оказывавшихся в центре внимания. Этим определялись внутренние обусловленные выходы в историю, философию, палеографию, археологию, этнографию и др., т. е. расширение круга фактов, необходимых для воссоздания конкретной среды возникновения и бытования письменных памятников, их прошлой жизни в пространстве и времени.

В. М. Жирмунскому был также отнюдь не чужд подобный подход к организации исследований, что и получило яркое отражение в целом ряде его научных трудов. Однако своеобразием его научного таланта была возможность создания — одновременно или в последовательности — не одного центростремительного круга научных исканий, но целого ряда таких кругов, иначе говоря, возможность для ученого, а также желание работать параллельно в целом ряде областей, входящих в условный комплекс «Язык и литература», притом с тенденцией к синтетическим построениям, к выходу в сферы общей теории. По широте охвата филологической проблематики В. М. Жирмунский может быть сопоставлен лишь с А. Н. Веселовским.

Поражает многообразие областей, в которых раздвигалось научное творчество В. М. Жирмунского на протяжении 60 лет его научной биографии. Сюда входили: история конкретных литератур и сравнительная литературоведение, изучение русской поэзии серебряного века и общая теория стиха, изучение фольклора отдельных народов и типологическая концепция исторического развития эпического творчества народов мира, немецкая диалектология и теория лингвистической географии, история

германских языков и общая теория языка. Поэтому не приходится удивляться тому, что как при жизни ученого, так и при изучении его научного наследия, естественным казалось и кажется говорить о нем специально как о литературоведе, фольклористе, языковеде. Кроме того, Жирмунский — литературовед-русист, литературовед и лингвист-германист, фольклорист-тюрколог...

Возникает вопрос, как мог один ученый соединить в своем творчестве столько научных индивидуальностей? Мало сказать, что Жирмунский обладал талантом и невероятным трудолюбием. Главное, чем он обладал, — это ни с чем не сравнимая и неистребимая жизнестойкость интереса к науке как к процессу познания и творческого самовыражения. В. М. Жирмунский не устал открывать все новые и новые области приложения своего исследовательского таланта, распространять на них свой опыт лингвиста, литературоведа, фольклориста. Так, уже во второй половине жизни он решил сосредоточить усилия на освоении совершенно новой для него и, казалось бы, далекой научной специальности — тюркологии. Результатом явилось создание выдающихся трудов, посвященных эпическому творчеству тюркских народов Средней Азии и проблемам тюркского стихосложения. В. М. Жирмунский показал на этом примере, что ученый может и должен учиться, учиться на протяжении всей жизни. И он учился, учился вместе со своими коллегами, со своими учениками. При этом он не принадлежал к типу замкнутых в своих кабинетах ученых, но любил жизнь во всех ее проявлениях, любил людей, любил природу, любил искусство. Несмотря на то, что общественная жизнь не раз поворачивалась к нему самыми жестокими сторонами, В. М. Жирмунский в бурях времен всегда оставался верным рыцарем науки, добрым учителем, добрым другом, всегда был готов помочь, защитить людей науки от несправедливых гонений.

В. М. Жирмунский был не только творчески активным ученым, но и талантливым организатором науки, что ярко проявлялось в его академической деятельности. Достаточно напомнить здесь о его плодотворной деятельности на посту председателя Научного совета «Теория советского языкознания», о его, к сожалению, недолгой, но очень научно значимой деятельности во главе редколлегии журнала «Вопросы языкознания». В. М. Жирмунский высоко ценил теоретические возможности и задачи главного лингвистического журнала нашей страны и был его многолетним сотрудником.

Настоящая статья посвящена специально лингвистическим трудам ученого, причем эти труды рассматриваются в исторической динамике их создания.

*

Путь В. М. Жирмунского-лингвиста начался в середине 20-х годов и непрерывно продолжался до самого конца его творчески богатой и разносторонней научной биографии. В широком кругу языковедческих интересов выдающегося ученого можно выделить несколько основных тем, которые последовательно возникали на отдельных этапах его научной деятельности. Характерно, что теоретические проблемы, однажды возбудившие его творческий интерес, никогда не представлялись ему исчерпанными. Он снова и снова возвращался к ним, поворачивая их новыми гранями и углубляя их освещение в новых теоретических аспектах и с привлечением новых материалов. Поэтому очень различные, на первый взгляд, лингвистические вопросы оказывались взаимосотнесенными и связан-

ными в общем построении языковедческой концепции. Если рассматривать языковедческую концепцию В. М. Жирмунского на протяжении ряда десятилетий, невольно возникает образное сравнение ее с контрапунктом, в котором последовательно включаются отдельные темы и далее уже не снимаются, но продолжают звучать в сложных взаимодействиях, с нарастанием или убыванием интенсивности, формируя таким образом гармоническое целое.

Первой языковедческой темой В. М. Жирмунского были вопросы образования смешанных говоров, составляющие часть большой теоретической проблемы — проблемы взаимодействия языков (диалектов) в процессе их исторического развития. К этой теме Жирмунский пришел через комплексное изучение языка, фольклора и этнографии немецких поселений на территории СССР, развернувшееся в 20-е годы в общем контексте культурной работы среди национальных меньшинств. В период 1926—1931 гг. В. М. Жирмунский руководил рядом диалектологических и фольклорных экспедиций в районы Украины, Крыма и Закавказья. В его работах 20-х — начала 30-х гг. получил отражение широкий круг вопросов, связанных с изучением культурных и языковых традиций немецких крестьян, переселившихся в конце XVIII — начале XIX вв. на земли бывшей Российской империи.

В центре внимания ученого оказались полевые исследования и описания говоров — швабских говоров Закавказья и Украины, франкошвабских и северно-баварского говоров Украины. Результаты исследований публиковались в советских научных изданиях, а также за рубежом — в специальных журналах по германистике.

В формировании теоретических взглядов Жирмунского-диалектолога большую роль сыграло приобщение его к работам немецкой школы диалектной географии, интенсивно развертывавшимся в 20-е годы в связи с подготовкой карт Диалектологического атласа Германии под руководством Ф. Вреде и Т. Фрингса. В. М. Жирмунский высоко оценивал теоретические достижения этой школы, представлявшей наиболее прогрессивное направление в области лингвистической географии, непосредственно ориентированной на изучение истории языка в связи с историей народа.

В теоретическую диалектологию В. М. Жирмунский вошел со своей темой: изучение процессов диалектного смешения в условиях переселения компактных групп крестьянских семей, представлявших различные говоры. Он открыл фонетические закономерности этих процессов, сформулировав оригинальную теорию «первичных» и «вторичных» признаков диалекта. В работе 1929 г. он писал: «... мы будем обозначать, как п е р в и ч н ы е диалектические признаки, те особенности указанных говоров, которые образуют наиболее заметные отклонения от нормы литературного языка (или от соседних говоров), а менее значительные отклонения будем называть в т о р и ч н ы м и диалектическими признаками» [1, с. 496]. Результаты проведенных им полевых исследований показали, что при смешении франкских говоров со швабскими или верхнегессенскими «...первичные признаки этих последних, как правило, отпадают, даже в том случае, когда на стороне этих говоров было численное превосходство. Первичные признаки являлись наиболее значительным препятствием при сношениях между разноязычными поселенцами и потому должны были прежде всего подвергнуться нивелирующему воздействию языкового смешения. Вторичные признаки швабского и верхнегессенского могут

конкурировать с соответствующими особенностями франкских говоров, причем победа остается и здесь то за одним типом, то за другим» [1, с. 502]. Отмечалось, что признаки франкской группы, даже в случаях расхождения с литературной нормой, обладают значительной стойкостью, т. к. они являются грамматической основой «общего языка» для большей части новых поселений [1, с. 493].

Уже тогда В. М. Жирмунский с полным основанием подчеркнул общетеоретическое значение закономерностей диалектного смещения, наблюдаемых им на материале переселенческих говоров. Он указывал, что мы можем таким образом обнаружить «механизм процессов языкового смещения» вообще и что методологические выводы из непосредственных наблюдений над современными говорами послужат основанием для заключений по поводу аналогичных процессов в более отдаленные эпохи исторического развития языков. Применительно к истории немецкого языка проведенные в «лабораторных условиях» переселенческой диалектологии исследования дают возможность утверждать, как полагал В. М. Жирмунский, что на новой почве повторился «... тот же процесс смещения, который в самой Германии привел к образованию восточносредне-немецких наречий» (1, с. 510), ср. [2, 3]. К намеченным в этой первой серии его лингвистических исследований положениям о непосредственной связи истории языка с диалектологией и о теоретическом значении изучения диалектных процессов для понимания исторических закономерностей языкового развития В. М. Жирмунский снова обратился ряд лет спустя и специально развернул их в трудах 50—60-х гг.

Изучение лексики крестьянских говоров, которому В. М. Жирмунский уделял много внимания в конце 20-х — начале 30-х гг., непосредственно привело его к вопросам социальной диалектологии в более широком плане. Проблема социальной дифференциации языковых явлений стояла в центре интересов советской лингвистической науки указанного периода. Это в немалой степени определялось актуальной потребностью участия языковедов в культурно-языковом строительстве, а также их стремлением применить в языкознании принципы марксизма. Наблюдение процессов, действовавших в языках современной эпохи, а также явлений относительно недавнего прошлого и их социологическая интерпретация — все это содействовало концентрации внимания на вопросах лингво-социологического характера.

В. М. Жирмунский был в числе основателей социологического направления в советском языкознании. Этому в немалой степени способствовала творческая среда Ленинградского Института Речевой Культуры (ИРК), где протекала также научная деятельность Б. А. Ларина, изучавшего явления социальной дифференциации в языке города, и, в особенности, Л. П. Якубинского, который в разработке образования национальных языков впервые творчески использовал высказывания В. И. Ленина по национальному вопросу [4]. Руководя в ИРК'e Кабинетом социальной диалектологии, В. М. Жирмунский активно участвовал во всех теоретических начинаниях и дискуссиях этого научного коллектива.

Основное направление его научных интересов указанного периода получило отражение в книге [5], написанной с привлечением широкого круга фактов русского и западноевропейских языков. Она содержит очерки следующих проблем: 1) Язык и диалекты. 2) Языковые отношения

эпохи феодализма. 3) Образование национальных языков. 4) Социальные диалекты эпохи капитализма. 5) Профессиональная лексика, жаргоны, аргументы. 6) Интернациональные и националистические тенденции в языке буржуазного общества. 7) Образование немецкого национального языка.

В предисловии автор указывал, что проблема социальной дифференциации в языке наиболее отчетливо выявляется при изучении языковых отношений буржуазного общества и что поэтому в методологическом отношении вполне закономерно начинать изучение новой лингвистической проблемы с материала языковой борьбы в условиях развитого классового общества, т. е. с социальных диалектов, «... доступных более непосредственному наблюдению и не потерявших своей актуальности с точки зрения языковой политики сегодняшнего дня» [5, с. 5]. Возможно, рассуждая так, В. М. Жирмунский скрыто полемизировал со взглядами Н. Я. Марра, настойчиво проводившего мысль о существовании классов и классовых противоречий в первобытном обществе.

В своей книге В. М. Жирмунский говорил о социальных диалектах, существующих рядом с языком господствующих классов, являющимся «господствующим языком данного общества», а именно — о крестьянских говорах, о мещанском просторечии, о диалектно окрашенном языке рабочих, о «принципиальном двуязычии», составляющем характерный признак языкового развития в капиталистическом обществе [5, с. 6].

Тридцать лет спустя, оценивая научное значение социологических исследований советских языковедов 20—30-х гг., а в их числе и свой труд «Национальный язык и социальные диалекты», Жирмунский самокритично заметил: «Разумеется, в настоящее время мы вряд ли сочли бы правильным так упрощенно и прямолинейно отождествлять социальную дифференциацию языка с классовой дифференциацией общества. Однако, всякое явление социальной дифференциации в конечном счете обусловлено классовыми отношениями и классовой борьбой. Книга была написана в 1934 г. и опубликована в 1936 г. Характерно, что имя акад. Н. Я. Марра в ней нигде не упоминается» [6].

Для современного читателя наличие некоторых элементов вулгарного социологизма не должно заслонять большое научное значение книги «Национальный язык и социальные диалекты», которая и в наше время продолжает оставаться одним из наиболее содержательных исследований исторических аспектов социолингвистической проблематики. В плане дальнейшего движения теоретической мысли в области разработки теории национальных языков специальный интерес имел заключительный раздел книги «Образование немецкого национального языка». В этой части своего труда автор проследил на широком лингвистическом, историческом и историко-литературном материале развитие языковых процессов, протекавших в Германии, и их обусловленность особенностями общественного развития страны.

•

В 30-е годы лингвистические интересы В. М. Жирмунского заметно концентрировались на проблемах языковой истории. Эта направленность, уже определившаяся в его предшествующих занятиях диалектологией, получила новые стимулы в связи с опубликованием ранее неизвестной работы Ф. Энгельса «Франкский диалект». Ознакомившись с работой еще до ее выхода в свет, Жирмунский живо откликнулся на это научное событие. «„Франкский диалект“, — писал он, — является специальным научным исследованием по исторической диалектологии, объединяющим

исключительную зрелищность в этой области с широкими историческими и методологическими перспективами» [7]. Однако к исследованию поставленных в работе Энгельса вопросов исторической диалектологии немецкого языка и специального вопроса о племенных диалектах древних германцев В. М. Жирмунский обратился лишь много лет спустя, в работах 50—60-х гг. В центре внимания В. М. Жирмунского к середине 30-х гг. оказались вопросы исторической грамматики и специально — проблема внутренних закономерностей развития грамматического строя немецкого языка. Этой теме В. М. Жирмунский посвятил специальную работу [8], в которой развивалась мысль о существовании закономерных тенденций, определяющих характер и направление развития языковых структур.

В этот период своих лингвистических занятий В. М. Жирмунский рассматривал внутренние тенденции развития грамматического строя немецкого языка, исходя из положения о закономерности его эволюции от флективного типа структуры к аналитическому, т. е. на основе теории морфологического прогресса в языках, с которой он в то время связывал концепцию развития более адекватных средств выражения мыслительного содержания. Позднее этот подход был им самим критически пересмотрен [9]. Однако даже в рамках несколько ограниченной указанным подходом постановки вопросов исторической грамматики немецкого языка, В. М. Жирмунскому удалось выявить уже в этом первом из его историко-грамматических исследований целый ряд закономерно возникавших инноваций в структуре немецкого языка нового времени.

Характерно, что уже в [8] В. М. Жирмунский широко использовал диалектные факты как имеющие существенное значение при определении направления и внутренней динамики процесса эволюции строя немецкого языка в целом. Так например, считая одним из наиболее характерных для развития немецкой морфологической структуры явлений тенденцию к унификации способов образования форм множественного числа имен в соответствии с грамматическим родом, он отмечал, что в диалектах, не связанных письменной традицией, эта тенденция проявляется особенно отчетливо. Устанавливая основные линии развития немецкой глагольной системы и указывая на появление нового способа обозначения категории лица — с помощью обязательной постановки местоимения при глаголе, он также обнаружил наибольшую последовательность реализации этой тенденции в диалектах, а именно в тех, для которых характерно устранение различий личных глагольных окончаний во множественном числе.

Вполне очевиден следующий факт: когда в начале 50-х гг. в советском языкознании предметом активного обсуждения стала проблема внутренних законов развития языка, выступления В. М. Жирмунского с докладами и статьями, посвященными этой теме, не были для него случайными. Актуализация указанной проблемы собственно подтвердила теоретическую значимость проводившихся им ранее исследований вопросов исторического развития немецкой грамматической структуры.

Свои разработки проблемы образования немецкого национального языка и вопросов развития его грамматического строя В. М. Жирмунский синтезировал в учебнике [10]. Эта настольная книга германистов многократно переиздавалась с существенными дополнениями.

*

В середине 30-х годов в творчестве В. М. Жирмунского обозначился поворот к историко-типологической проблематике. Началом этого важ-

ного этапа в развитии его научных взглядов явилась статья [11]. Изложенная в ней концепция единства историко-литературного процесса, обусловленного единым социально-историческим процессом развития человечества, была в то время сформулирована в свете теории Н. Я. Марра о «единстве глоттогонического процесса». В понимании Жирмунского, как и многих других языковедов, принимавших отдельные положения марровской концепции, основное содержание указанной теории состояло в признании связи развития языковых категорий с «развитием мышления» и «их обусловленности общим процессом социально-исторического развития человечества» [11, с. 383]. Для конкретного лингвистического исследования «это значит, что наличие аналогичных явлений в разных языках и возможность их сравнения может объясняться не только общностью происхождения (от „праязыка“) или прямым заимствованием („влиянием“ одного языка на другой), но также сходством (аналогиями) языка и мышления на одинаковых стадиях социально-исторического развития» [11, с. 383]. Сформулированный таким образом историко-типологический подход к изучению языковых явлений был удачно проиллюстрирован на примере развития сложноподчиненного предложения, обнаруживающего общность для ряда языков закономерности.

Несколько позднее В. М. Жирмунский применил свое понимание лингвистической «стадиальности» специально к области сравнительного языковедения; он подчеркивал, что «путь к стадиальной истории языка лежит через сравнительную грамматику» и «сравнительная грамматика генетическая должна опираться на сравнительную грамматику типологическую» [12].

Такова была в конце 30-х и в 40-е годы позиция, разделявшаяся рядом сотрудников бывшего Института языка и мышления Академии наук (С. Д. Кацнельсон, В. И. Абаев, М. М. Гухман, Д. В. Бубрих, А. В. Десницкая). Позиция эта не только открывала возможность сравнительно-исторического изучения родственных языков в рамках так называемого «нового учения о языке», но и способствовала обогащению исследований элементами историко-типологического сравнения с неродственными языками, чем достигалась известная широта постановки историко-грамматических проблем в генетическом плане.

Ярким примером удачного применения «стадиально-типологического сравнения» при изучении вопросов генезиса и развития грамматических категорий в группах родственных языков явилась статья В. М. Жирмунского [13]. Одной из основных затронутых в ней тем был вопрос о генетической связи категории прилагательных в индоевропейских языках с именами существительными, выступавшими в функции атрибута, о чем свидетельствует исходное единство морфологического оформления существительных и прилагательных. В статье были сопоставлены в историко-типологическом плане представленные в грамматических системах индоевропейских и тюркских языков возможности выражения атрибутивных значений с помощью имени, выступающего как носитель определенного качества.

Более подробно этот вопрос был освещен в другой статье того же времени [14], где для обоснования указанной концепции происхождения грамматической категории прилагательных было использовано большое количество фактов из сравнительной грамматики индоевропейских языков и снова были привлечены «стадиально-типологические» аналогии соответствующих конструкций в тюркских и монгольских языках. Следует заметить, что сама эта концепция вполне соответствует традициям

индоевропейского сравнительного языкознания, что и отмечалось соответствующими ссылками на работы К. Бругмана и, в особенности, на исследования А. А. Потебни.

В 50-е годы В. М. Жирмунским был написан и опубликован монументальный труд [15], в котором были развиты и синтезированы основные направления исследований, проводившихся автором на протяжении тридцати лет.

Однако, характеризуя содержание и значение этого труда, невозможно ограничиться признанием того, что Жирмунский лишь подвел в нем итоги своим занятиям немецкой диалектологией и своим исследованиям проблемы образования немецкого национального языка в его соотношении с диалектами. Все это, несомненно, содержится в книге «Немецкая диалектология». Тем не менее, эту книгу никак нельзя рассматривать только как компендиум материалов, сведений и идей, увенчавший долголетние труды ученого в одной специальной области лингвистических знаний. Основным и главным в ней для самого автора было движение вперед, разработка новой большой проблемы, осуществление особой, новой для науки задачи — создание истории языка в перспективе внутренней закономерной эволюции всех его диалектных разновидностей.

Сочетание историко-типологического и сравнительного методов изучения закономерностей развития языка, представленного в ряде территориальных вариантов, с методом лингвистической географии дало Жирмунскому возможность создать синтетический труд, который по своему теоретическому значению выходит далеко за пределы обобщающих работ по диалектологии в обычном понимании этого термина. Поставленные перед собой задачи В. М. Жирмунский определил в предисловии: «... научная история немецкого языка должна строиться на основе диалектологии, ... историческая грамматика немецкого языка опираться на сравнительную грамматику немецких диалектов...» [15, с. 3]. В этих кратких формулировках в сущности заключена программа целого направления исследований. Не имея в этой области предшественников, В. М. Жирмунский взял на себя грандиозный труд теоретического обобщения огромного количества эмпирических описаний немецких диалектов, воздвигнув стройное здание новой научной дисциплины, которую он обозначил как «сравнительная грамматика диалектов».

Сам он скромно характеризовал свои исследовательские разработки как «... попытку обобщить и теоретически осмыслить обширный материал частных фактов и наблюдений, собранный в многочисленных записях и специальных исследованиях по немецкой диалектологии» [15, с. 3—4]. В своей книге В. М. Жирмунский собственно заново проанализировал материал эмпирического характера, накопленный несколькими поколениями немецких диалектологов, стремясь обнаружить в нем внутреннюю динамику исторической эволюции фонетики и морфологического строя немецких диалектов. Именно в сложном многообразии диалектных явлений он стремился выявить общие внутренние закономерности существования и развития немецкой народноразговорной речи в ее ненормированном состоянии.

«Сравнительно-историческое рассмотрение, — писал Жирмунский, — представляет и в этой области единственно возможный путь к раскрытию общих внутренних закономерных тенденций исторического развития языка в его диалектах. В книге сделана попытка на материале диалектов ос-

ветить с этой точки зрения некоторые центральные проблемы исторической фонетики и грамматики немецкого языка» [15, с. 5].

Этой установкой определилось построение книги «Немецкая диалектология», созданной как теоретическое исследование новой научной проблемы. В первой части, помимо широко развернутого критического обзора литературы о немецких диалектах, дано теоретическое рассмотрение основных проблем лингвистической географии. Заключительный раздел книги посвящен вопросам исторического развития немецких диалектов в социально-историческом и лингвогеографическом аспектах. Центральное место занимают часть II — «Сравнительная фонетика» и часть IV — «Сравнительная морфология», имеющие характер монографий. В этих монографиях развернут детальный анализ фонетических и морфологических особенностей и явлений всех немецких диалектов, рассмотренных в их исторической эволюции. В результате исследования колоссального количества лингвистических фактов были выявлены общие закономерности развития немецкой народноразговорной речи во всех ее территориальных вариантах. Все частные явления, создающие обычно картину необычайной диалектной пестроты, рассмотрены в единой перспективе внутренней истории немецкого языка, которая получила, таким образом, как бы новое измерение.

Заключая свое новаторское исследование, В. М. Жирмунский с полным правом отмечал: «Изучение диалектов, которые на протяжении многих веков служили средством устного общения народных масс, вносит существенный корректив в наши представления об истории языка, почерпнутые из письменных источников, открывая путь к построению истории языка в связи с историей народа... Показания письменных памятников лишь поверхностно отражают творческие процессы развития языка, которые происходят в условиях устного языкового общения в глубине народных масс, являющихся истинными творцами истории: поэтому история письменного (литературного) языка, построенная на этих показаниях, неизбежно остается на периферии языковых явлений, и с трудом может нащупать пути от истории языка к истории народа» [15, с. 536].

Выдвигая в качестве теоретического задания выявление внутренних закономерностей, определяющих общее направление развития системы немецкого языка в целом, Жирмунский придавал особое значение исследованию диалектов прежде всего потому, что в них действие этих внутренних закономерных тенденций не связано с влиянием устойчивой письменной традиции. Как уже было отмечено выше, это положение было впервые сформулировано Жирмунским еще в 30-е годы в работе «Развитие строя немецкого языка». Книга «Немецкая диалектология» явилась таким образом осуществлением давно поставленной научной задачи.

Значение труда «Немецкая диалектология» выходит за пределы германистики как особой научной дисциплины. Фонетические и морфологические процессы, открытые Жирмунским в немецких диалектах, показывают, как реально «делается» история языка, если эволюция его фонетической и грамматической системы не сдерживается письменной традицией. Это образец истории языка в его народноразговорной форме. Представитель любой лингвистической специальности, если он занимается не составлением схем, а изучением живых языковых фактов в их практическом многообразии и исторической динамичности, найдет в книге В. М. Жирмунского много поводов для размышлений, много оснований для типологических сравнений и дальнейших теоретических обобщений.

С конца 50-х годов В. М. Жирмунский перенес центр своего исследовательского интереса с вопросов диалектологии и истории немецкого языка на область общей германистики. Он углубился в проблемы сравнительной грамматики германских языков. Специальное монографическое исследование он посвятил давно занимавшему его вопросу о древнегерманских племенных диалектах. В книге [16] он осветил проблему классификации древнегерманских диалектных групп в их исторических взаимосвязях. Свидетельства античных писателей и материалы древних письменных памятников дополняются в этом исследовании материалами диалектологии, без которых, как заметил автор, «...сравнительная грамматика германских языков на современном уровне научного развития уже не может обходиться...» [16, с. 5].

Поставленные в этой книге проблемы являются предметом дискуссий в зарубежной германистике. В. М. Жирмунский подошел к ним с учетом методов и достижений современной лингвистической географии. Он подчеркнул при этом значение факторов социального порядка, считая необходимой постановку вопроса о конкретных исторических связях языка с породившей его социальной действительностью, с его реальными историческими носителями. При таком подходе «языки и наречия, диалекты и поддиалекты из безвоздушного пространства классификационной схемы переносятся в определенную историческую и географическую среду» [16, с. 7]. И далее: «...в своем исследовании мы будем исходить из положения, что носителями древнегерманских диалектов были германские племена и племенные союзы и что тем самым сравнительная грамматика германских языков опирается как на свою историческую основу на *сравнительное изучение племенных диалектов древних германцев*» [16, с. 7]. Можно заметить непосредственную связь указанных установочных положений этого исследования с проблемами, поставленными Энгельсом в его работе «К истории древних германцев» и, в особенности, с составляющим ее часть чисто лингвистическим экскурсом «Франкский диалект», о котором В. М. Жирмунский неоднократно писал и который он считал «методологически основополагающим исследованием по древнегерманским племенным диалектам» [16, с. 21].

Углубляя хронологическую ретроспективу сравнительно-исторического изучения германских языков, в последние годы своей жизни В. М. Жирмунский исследовал проблему прагерманского языкового состояния. В 1967 г. им была написана статья [17], опубликованная уже посмертно¹. Автор положительно ответил на поставленный вопрос, находя лингвистически обоснованным положение о существовании общегерманского или прагерманского единого языка, в ряду других индоевропейских языков. Внутри общегерманского единства уже могла образоваться «очень ранняя диалектная дифференциация, также не слишком значительная, но с течением времени возрастающая» [17, с. 274].

Таким образом, на протяжении своего научного пути В. М. Жирмунский охватил исследованиями широкий круг германистических проблем, начав с изучения современных крестьянских говоров и придя к постановке ключевых вопросов сравнительной грамматики германских языков.

¹ На указанную тему В. М. Жирмунским был прочитан доклад на Международной лингвистической конференции в Милане в сентябре 1969 г. [18].

Внутренняя логика развертывания лингвистических исследований все более и более определяла направление научных интересов В. М. Жирмунского в сторону проблем общей лингвистической теории. Как один из ведущих языковедов страны, он в течение ряда лет возглавлял деятельность Научного Совета по теории советского языкознания при Отделении литературы и языка АН СССР, активно участвовал в теоретических дискуссиях по актуальным проблемам лингвистической науки. Продолжая разрабатывать основные линии своих лингвистических исследований, которые в послевоенные годы преимущественно концентрировались вокруг вопросов исторического развития германских языков, он в то же время неоднократно возвращался к проблемам, занимавшим его в более ранние периоды, особенно в связи с тем, что эти проблемы приобретали большую актуальность на новейших этапах движения лингвистической науки.

Так, в 60-е годы он снова возвращается к теоретическим вопросам лингвистической географии, включая сюда и обсуждение вопроса о задачах и методах создания диалектологического атласа тюркских языков [19]. В постановке темы этого большого коллективного труда важную роль сыграла научная инициатива Жирмунского, который в данном случае выступал и как признанный теоретик в области методов лингвистической географии, и как лингвист-тюрколог.

Относясь к числу основателей социально-лингвистического направления в советском языкознании, В. М. Жирмунский был первым, кто в 60-е годы поднял вопрос о возобновлении в нашей науке этой линии исследований. Он справедливо указывал на то, что устранение вопросов социальной дифференциации языка из тематики языковедческих работ в период 50-х годов (после лингвистической дискуссии 1950-го года) нанесло определенный ущерб нашей науке, отразившийся в «...методологической неполноценности большинства трудов последнего десятилетия, посвященных проблемам истории языка в связи с историей общества» [20].

Хорошо известен «взрыв» интересов к социолингвистической проблематике, который довольно бурно обозначился в зарубежном языкознании 60—70-х гг., особенно в американской лингвистике, которая даже претендует на приоритет в создании «социолингвистики» как специальной научной дисциплины. Устные и печатные выступления Жирмунского, в которых он убедительно напоминал о традициях отечественного языкознания в разработке вопросов социальной дифференциации языковых явлений и призывал советских лингвистов к развитию исследовательских работ в этой области, были в высшей степени актуальны.

Очень значимы по научному содержанию были доклады и выступления Жирмунского на дискуссиях по вопросам грамматической теории, в организации которых он сам принимал деятельное участие. Его доклады [21—23] были остро полемичны и направлены против «узко флективного подхода» к грамматическому учению о слове. Выступая против концепций, в том или ином виде развивавших подходы Ф. Ф. Фортунатова к вопросам грамматической формы, Жирмунский примыкал в этих вопросах к взглядам Л. В. Щербы и В. В. Виноградова.

Так, в докладе «О границах слова», прочитанном на дискуссии о морфологической структуре слова (Ленинград, 1960), он говорил: «Если мы не хотим отрицать реальных языковых фактов во имя метафизических

определений и основанных на них теорий, мы должны... признать возможность существования стойких словосочетаний рядом со слитными (сложными) словесными единицами как форм одного и того же слова...» [21, с. 7]. И далее: «Границы между словоизменением (формообразованием) и словообразованием являются зыбкими и при синхронном рассмотрении. Вопрос этот имеет не только классификационно-терминологическое значение: от его решения зависит установление грамматической границы слова, т. е. того, какие грамматические категории следует рассматривать как формы одного слова (словоизменение или формообразование), какие — как самостоятельные слова (словообразование)» [21, с. 8].

Жирумский исходил из положения о том, что критерий семантического единства является основным и обязательным признаком каждого слова, в том числе и сложного, — положения, которое отнюдь не снимается тем обстоятельством, что словосочетания типа *железная дорога* (по В. В. Виноградову, «фразеологические единства») представляют подобные же семантические единства. Он допускал, что признак этот, всегда безусловно необходимый, «...не всегда является достаточным в ряде случаев, когда формальные критерии отсутствуют, не вполне четким. Что касается фонетического и морфологического оформления единства и цельности слов (в том числе и сложного слова по сравнению со словосочетанием), то степень и характер этого оформления ... целиком зависят от морфологических особенностей данного языка, а в некоторых случаях — и от особенностей данной категории слов» [21, с. 21].

Эти положения Жирумский развивал в докладе на конференции по проблеме аналитических конструкций (Ленинград, 1963). Полемицируя с различными подходами к этой проблеме, получившими отражение в работах некоторых советских лингвистов, он сослался на известное высказывание Л. В. Щербы о том, что «везде в языке... важны лишь крайние случаи. Промежуточные же в самом первоисточнике — в сознании говорящего — оказываются колеблющимися, неопределенными. Однако это неясное и колеблющееся и должно больше всего привлекать внимание лингвиста, так как здесь именно подготавливаются те факты, которые потом фигурируют в исторических грамматиках, иначе говоря — так как здесь мы присутствуем при эволюции языка» [24].

Обосновывая эту точку зрения на фактах эволюции грамматического строя новых индоевропейских языков, В. М. Жирумский подчеркивал, что развитие аналитических конструкций в языке представляет «...живой и сложный процесс, который требует процессуального рассмотрения как в аспекте истории языка, так и при описании его современного состояния». Он полагал, что не должно существовать разрыва между синхронией и диахронией, но любое состояние языка должно рассматриваться как система, находящаяся в движении в целом и в отдельных своих частях. Исходя из сказанного, он формулировал требование процессуального подхода, который устанавливает в аналитических конструкциях различные ступени грамматизации и «...предполагает особое внимание к случаям переходным, отражающим в современном состоянии языка динамику его развития» [22, с. 56].

В дискуссионном докладе, прочитанном на конференции по вопросам теории частей речи (Ленинград, 1965), В. М. Жирумский также заострил противоположность своей точки зрения, основанной на учете лексико-грамматических и грамматических аспектов, известной характеристике частей речи, изложенной применительно к русскому языку в «Синтаксисе» А. М. Пешковского, концепции Фортунатова и его школы: «Если,

в отличие от Фортунатова, мы будем рассматривать части речи как лексико-грамматические категории (разряды) слов, необходимо будет учитывать в их определении как значение слова, его лексико-семантическое содержание, так и его грамматическую форму — морфологическую (формы словообразования и словоизменения) и синтаксическую (связи и формы управления в словосочетании и предложении)» [23, с. 18—19]. Принимая во внимание особенности грамматического строения языков различных типов, Жирмунский указывал, что, в зависимости от грамматического строя того или иного языка, оформление части речи как грамматической категории будет представлять существенные различия, с сохранением универсальности ее значения в аспекте лексико-семантическом.

Как видим, для грамматической концепции В. М. Жирмунского была характерна принципиальная установка на изучение грамматических явлений в их внутренней динамике, с учетом моментов перехода и становления, свойственных языку как системе, находящейся «в движении в целом и в отдельных своих частях». В этой установке получил выражение историзм научного подхода, отличавший труды В. М. Жирмунского.

Заканчивая на этом обзор лингвистических исследований В. М. Жирмунского, следует еще раз отметить тесную взаимосвязь отдельных направлений его научной деятельности. Изучение любого из вопросов, привлекавших его внимание как диалектолога, историка языка, лингвосоциолога, грамматиста, неизменно выстраивалось на определенном месте в общем движении и развитии концепции ученого как развивающейся системы научных взглядов, все части которой были тесно взаимосвязаны и разработка которых определялась внутренней динамикой целого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жирмунский В. М. Проблемы переселенческой диалектологии // *Жирмунский В. М. Общее и германское языкознание*. Л., 1976.
2. Жирмунский В. М. Процессы языкового смешения во франко-швабских говорах южной Украины // *Язык и литература*. 1937. VII.
3. Жирмунский В. М. Восточносреднемецкие говоры и проблема смешения диалектов // *Язык и мышление*. 1936. VI—VII.
4. Десницкая А. В. Как создавалась теория национального языка // *Современные проблемы литературоведения и языкознания*. М., 1974.
5. Жирмунский В. М. Национальный язык и социальные диалекты. Л., 1936.
6. Жирмунский В. М. Проблемы социальной диалектологии // *ИАН ОЛЯ*. 1964. № 2. С. 103.
7. Жирмунский В. М. «Франкский диалект» Ф. Энгельса // *Известия Отделения общественных наук АН СССР*. 1936. № 4. С. 3.
8. Жирмунский В. М. Развитие строя немецкого языка // *Известия Отделения общественных наук АН СССР*. 1935.
9. Жирмунский В. М. К вопросу о внутренних законах развития немецкого языка // *Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР*. 1953. № 5. С. 80.
10. Жирмунский В. М. История немецкого языка. Л., 1938.
11. Жирмунский В. М. Сравнительное литературоведение и проблемы литературных влияний // *Известия Отделения общественных наук АН СССР*. 1936. № 3.
12. Жирмунский В. М. Сравнительная грамматика и новое учение о языке // *ИАН ОЛЯ*. 1940. № 3. С. 39.
13. Жирмунский В. М. Развитие категорий частей речи в тюркских языках по сравнению с индоевропейскими языками // *ИАН ОЛЯ*. 1945. № 3—4.
14. Жирмунский В. М. Происхождение категории прилагательных в индоевропейских языках в сравнительно-грамматическом освещении // *ИАН ОЛЯ*. 1946. № 3.
15. Жирмунский В. М. *Немецкая диалектология*. М.: Л., 1956.
16. Жирмунский В. М. Введение в сравнительно-историческое изучение германских языков. М.: Л., 1964.
17. Жирмунский В. М. Существовал ли общегерманский язык-основа // *Жирмунский В. М. Общее и германское языкознание*. Л., 1976.

18. *Zirmunskij V. M.* Esiste una «protolingua germanica» // *Le Lingue dell' Europa: Atti del V Convegno Internazionale di Linguisti*, Brescia, 1972.
19. *Жирмунский В. М.* О диалектологическом атласе тюркских языков Советского Союза // *ВЯ*, 1963. № 6.
20. *Жирмунский В. М.* Проблемы социальной диалектологии // *ИАН ОЛЯ*, 1964. № 2.
21. *Жирмунский В. М.* О границах слова // *ВЯ*, 1961. № 3.
22. *Жирмунский В. М.* Об аналитических конструкциях // *Аналитические конструкции в языках различных типов*. М.; Л., 1963.
23. *Жирмунский В. М.* О природе частой речи и их классификации // *Вопросы теории частой речи*. Л., 1966.
24. *Щерба Л. В.* Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т. I. Л., 1958. С. 33—34.